ИСТОРИЯ

БАРБЕНКО Ярослав Александрович

канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ДВФУ (г. Владивосток)

Электронная почта: prohist@ya.ru

Динамика переселенческого законодательства в Приамурском крае во второй половине XIX в.

УДК 94(571.6)+325.3(34)

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18)

*Приамурье,
Приморская область,
переселение,
крестьяне-переселенцы,
переселенческое
законодательство,
переселенческая
политика
буддизм*

В данной работе проведён сравнительный анализ образцов общероссийского переселенческого законодательства и норм крестьянского переселения в Приамурье во второй половине XIX в. с точки зрения наиболее характерных черт. Были выявлены два нормативных режима: 1859/1861 гг. для всего Приамурья и 1866/1882 гг. для Южно-Уссурийского края. Существование особого режима 1866/1882 гг. обусловлено необходимостью привлечения жителей на отдалённые и уязвимые территории. После установления надёжного морского и железнодорожного сообщения Дальнего Востока с центральной частью России льготные условия переселения были существенно ограничены в 1900 г.

Введение

Присоединение приамурских территорий, фактически произошедшее в условиях Крымской войны, продемонстрировало жёсткую необходимость насыщения территории населением. И местные власти, и центральное правительство в стремлении привлечь на юг Дальнего Востока население были готовы на очень большие уступки: право собственности на землю для крестьян, денежные и иные льготы новосёлам и т. п. Такая политика продолжалась на всём протяжении второй половины XIX в.; периодические военные тревоги и удалённое положение Приамурья стимулировали поощрительную политику переселений в регион.

В разное время проблема изучения переселенческого законодательства на дореволюционном Дальнем Востоке имела разное содержание. Для современников это был сугубо практический вопрос, имеющиеся примеры анализа [3; 10; 12; 30] либо напрямую связаны с делом организации переселенческого дела, как у Буссе и Шумана, либо представляют собой разной степени лояльности критику текущего и предшествующего состояния отрасли. Дореволюционный опыт исследования определяет и современные подходы: общая периодизация изменения переселенческого законодательства (до 1900 г. и после), оценка содержания законов и их роли в колонизации региона.

Исследования советского времени уделяют мало внимания анализу нормативной базы переселений царского периода. В

Для цитирования:
Барбенко Я. А. Динамика переселенческого законодательства в Приамурском крае во второй половине XIX в. // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 6–18. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18)

послереволюционное время исследуется реальная политика прошлого – в заметных работах Кобозева [11] и Чарнецкого [29] можно видеть многоаспектный анализ истории переселения и аграрной колонизации, за исключением анализа законодательства. Интерес к этой проблеме возобновляется в 50-е гг., в 80-е выстраивается неполная, но довольно стройная картина законодательной политики в отношении переселения, см. работу В. М. Кабузана [9]. В знаковом для дальневосточной историографии своего времени «Крестьянстве Дальнего Востока СССР XIX–XX вв.» [13] дан фрагментарный (не по охвату, а по смыслу) анализ законодательства, дан общероссийский контекст, а также привлекается содержание правил заселения Приамурского (1861 г.) и Южно-Уссурийского (1866 г.) краёв, законы о переселении в Южно-Уссурийский край от 01.06.1883 и 18.04.1886 гг., временные правила образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях от 22.06.1900 [13, с. 31, 32–33, 77]. Характерно внимание к общим моментам, детали остаются за рамками обзора. Нормативы разбросаны по тексту, что говорит об отсутствии задачи цельного анализа формальной базы.

Современная историография с одной стороны продолжает советскую традицию попутного анализа законодательства переселения в связи с решением иных исследовательских проблем [1; 26], а с другой, ставит отдельную задачу [8; 2] или даже цель [28] рассмотрения нормативной основы переселения. В результате современная историография, опираясь на опыт предыдущих этапов изучения вопроса, обладает детальным описанием и анализом формальной базы переселения, многомерным видением роли законодательства в переселенческом деле и положения дальневосточного законодательства в системе переселенческих законов страны. Вместе с тем а) последний аспект нуждается в уточнении в том смысле, что сравнение не выходит за границы последней четверти XIX в., хотя ясно, что черты общероссийского переселенческого законодательства данной эпохи складывались как минимум с николаевского времени; б) динамика переселенческого законодательства в регионе нуждается в более чётком определении.

Соответственно, предмет данного исследования – развитие содержания нормативной части переселенческой политики Российской империи на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Задачи исследования: а) путём сравнения с общероссийскими переселенческими законами выделить характерные черты нормативных условий переселения в Приамурье во II пол. XIX в.; б) уточнить временную и пространственную дифференциацию условий переселения в Приамурский край.

Общероссийская политика переселений

Как отмечают многочисленные комментаторы, русское правительство до конца XIX в. смотрело на крестьянские переселения с большим скепсисом, добавлю, что большее значение в принятии решения о переселении государственных (если говорить об эпохе до освобождения) крестьян имели виды правительства, а не интересы самих крестьян; разумеется, помещичьи крестьяне были свободны в ещё меньшей степени. Так, к 1846 г. относится закон «О распространении на Сибирские губернии постановлений о самовольном переселении государственных крестьян», в котором волостная и сельская администрация сибирских губерний обязывалась пресекать несанкционированные перемещения государственных крестьян [23, с. 14–15]. С

другой стороны, однако, власти были обязаны заботиться о благосостоянии находящихся на их попечении сельских обывателей, и имели право ходатайствовать перед столицей о необходимости смены места жительства крестьян для расширения их посевов. В 1856 г. была опубликована интересная норма, «О дозволении крестьянам Восточной Сибири, не смотря на избыточный надел земли, переселяться в другие местности» [15, с. 611], в которой помимо директивы была и развёрнутая мотивировочная часть, из неё можно узнать, что несколько хозяйств сел. Уяк Иркутской губ. испытывали недостаток в удобной земле, несмотря на большой в целом надел. По инициативе восточносибирской администрации законодатель дал право генерал-губернатору принимать решение о возможности и необходимости переселения крестьян на новые места, объясняя его нуждой в более плотном заселении восточносибирских просторов: образование новых селений полезно, ведь пришельцы из западных районов страны приселяются к уже существующим селениям. В конце 50-х гг. государство вводит ряд норм, обязывающих помещиков не просто переселять малоземельных крестьян [12, с. 97], но также обеспечивать их водворение и хозяйственное обустройство на новом месте, причём губернская администрация была обязана следить за такими переселениями [19, отд. I, с. 42].

В пореформенное время патерналистское отношение государства к крестьянству и сдержанное отношение к крестьянским переселениям изменились мало. «Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» даёт «свободным сельским обывателям» ключевые права, регулирующие мобильность: перечисляться в другие сословия и общества, отлучаться от места жительства, являться собственниками недвижимости, увольняться и вступать в крестьянские общества [6, с. 141–169]. Фактическое же использование этих прав для переселения было нейтрализуемо другими нормами этого закона (например, временная обязанность и др.), но главное – бывшие помещичьи крестьяне до конца 80-х гг. не имели права свободного водворения на государственной земле [12, с. 100–101].

В области обеспечения переселения бывших государственных крестьян в 60-е гг. идут противоречивые процессы: в 1866 г. министерство государственных имуществ (далее – МГИ) передаёт право управления крестьянами региональным административным и сословным учреждениям [21, с. 34–37], что должно было бы технически упростить дело переселения. Однако в 1867 г. опубликована норма, в соответствии с которой упразднялась постоянная статья казённых расходов на переселения государственных крестьян; теперь каждый случай должен финансироваться индивидуально [18, отд. I, с. 397–398]. Также была отменена выдача переселенцам хлеба из запасных магазинов [24, с. 9] (складов хлеба). Как видим, государство последовательно либерализовало условия переселения для бывших государственных крестьян, что соответствовало духу 60-х гг., однако фактические возможности переселения для большинства сокращались. В 1868 г. министерство внутренних дел (далее – МВД) и МГИ специальным циркуляром сначала дали право властям некоторых восточных губерний Европейской России принимать решение о водворении переселенцев, а затем это право ограничили [12, с. 102]. На протяжении 60-х – 70-х гг. было несколько случаев своеобразной амнистии пере-

селенцев, когда нелегально водворившиеся в восточных европейских и западносибирских губерниях переселенцы получали официальное признание [12, с. 103–104]. Итак, первые пореформенные десятилетия показывают последовательное снятие государством обязательств перед переселенцами и отсутствие у него чёткой позиции по вопросу о переселении: решения о признании переселений имеют частный характер, не образуя никакой политической линии.

В 1881 г. МВД и МГИ разработали временные правила о переселении крестьян, которые не подлежали огласке, но тем не менее являлись действующим документом [12, с. 107]. Эти правила наследовали уже имеющимся нормам, в частности, право на переселение осталось только за бывшими государственными крестьянами (позднее были добавлены мещане), размер переселенческих наделов в европейских губерниях должен был соответствовать правилам 19 февраля 1861 г. Из традиционных по духу норм можно отметить прямой правительственный контроль за переселением и неопределённый статус землевладения переселенцев (решение этого вопроса было отложено). К новациям можно отнести снятие некоторых формальных условий выселения, фиксацию максимального размера надела для сибирских губерний в 8 дес. и организацию помощи переселенцам (материальной, медицинской и информационной) в пути, для чего был учреждён переселенческий пункт в Симбирской губернии [12, с. 107–108]. Несмотря на то, что эти правила ориентированы лишь на управление потоком переселенцев и не затрагивают вопросов организации жизни на новых землях, сам факт появления специализированного набора норм, пытающегося охватить предмет управления в целом, уже заслуживает внимания.

Наконец, 1889 г. принёс обширный закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время», призванный регулировать широкий диапазон вопросов переселения крестьян по Европейской и Азиатской России от механизма принятия решения о переселении до условий организации хозяйства на новом месте [14, отд. I, с. 535–538]. Переселенцы по-прежнему были несвободны в принятии решения о выселении, поскольку необходимо было пройти экспертизу местных и центральных властей на предмет необходимости переселения для данной конкретной семьи [14, отд. I, с. 535–536]. Закон упрощает увольнение и приём переселенцев в крестьянские общества; переселенческие участки определяются МГИ в европейских, уральских, западносибирских и среднеазиатских губерниях и областях (с начала 90-х и в восточносибирских [12, с. 116]). На новых местах переселенцы имеют возможности получить а) землю на местных условиях, б) льготы в зависимости от региона вселения [14, отд. I, с. 536, 537–538]. Переселенческий пункт, существовавший по правилам 1881 г., упразднён, а вместо него при МВД учреждаются должности чиновников особых поручений для выполнения функций надзора за переселением [14, отд. I, с. 538]. Данный закон, несмотря на несовершенство, знаменует новый этап переселенческой политики: теперь переселение становится самостоятельным и внутренне дифференцированным предметом управления.

Законодательные меры второй половины 90-х гг. дополняют закон 1889 г., делая нормативную систему переселения более операбельной

и адекватной задачам. Закон 15 апреля 1896 г. вводит понятие ходочества и признаёт нелегальных (не получивших разрешения на переселение) переселенцев, которые лишаются переселенческих льгот, но имеют право на водворение [16, отд. I, с. 289–290]. Закон 2 декабря 1896 г. учреждает в составе МВД Переселенческое управление (далее – ПУ), которому передаются функции управления переселением и, что очень важно, ПУ МВД получает право законодательной инициативы [25, отд. I, с. 740–741]. Наконец, в январе 1897 г. МВД рассылает по губерниям и областям циркуляр, который не вносит никаких новаций в организацию переселения, но ограничивает переселение как процесс: недостаток удобных земель в местах вселения и большой поток обратных переселенцев (12%) заставляют власть остановить движение даже легитимных [10, с. 60–61].

Итак, на протяжении второй половины XIX в. происходят заметные подвижки в представлении центральной власти о крестьянских переселениях. Если в дореформенное время переселение выглядело этаким административно-технической процедурой перераспределения ресурсов, то в пореформенную эпоху переселения крестьян всё более становятся публичным актом. К концу столетия складывается система управления переселением как отдельной сферой жизни общества; несмотря на сохранение контроля за многими аспектами переселения, государство признаёт крестьян в качестве субъекта, давая им самостоятельность по всё более расширяющемуся кругу вопросов.

Политика переселений в Приамурье

Первые крестьяне-переселенцы появляются на территории Приамурья со сплавом 1855 г., но их статус не поддаётся формализации в рамках существовавшей тогда нормативной системы: с одной стороны, это было переселение государственных крестьян-добровольцев, однако водворились они на территории не вполне определённой государственной принадлежности (низовья Амура между его устьем и оз. Кизи), получив при этом от лица российского государства земли в собственность, в «полное и вечное владение» [7, с. 415], на мужскую душу выделялось от 21 дес. [7, с. 421]. Неординарность ситуации связана, надо полагать, с тем, что данное переселение было частью военной операции по обороне тихоокеанского побережья во время Крымской войны; после Айгунского 1858 г. и Пекинского 1860 г. договоров крестьянские колонии 1855 г. вошли в состав Российской империи.

Нормирование переселения начинается после легализации русского присутствия на Амуре в 1858 г. В 1859 г. были опубликованы правила свободного и казённокоштного переселения крестьян в Приамурский край, в соответствии с которыми для заселения в Приамурье не ставились никакие специальные условия. Для поддержки переселения был сформирован особый бюджет, из которого переселенцы могли получить под невысокий процент ссуду до 60 руб. на семью [9, с. 59–60]; норма обеспечения землёй оставалась в каком-то смысле прежней – от 21 дес. «удобных земель» на душу и «сколько обработать смогут в состоянии и сколько необходимо будет для выгонов, сенокосов и пашен» (РГИА ДВ Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–3 об.), то есть нормативные ограничения на расширение площади надела не ставились. Эти правила удачно сочетались с законом 1856 г. о возможности переселения восточносибирских крестьян, другие источники

легального пополнения крестьянского населения региона были крайне ограничены в силу удалённости края от расселения основной массы крестьянства и конкуренции сибирских регионов. Уже на самом раннем сроке переселенческой политики в Приамурье можно видеть её характерные черты: 1) свободу водворения, 2) семейный режим денежной помощи, 3) высокую ставку землеобеспечения. Норма наделения землёй была высока для России и типична для Сибири, но на Дальнем Востоке это была не норма наделения как таковая, а только стартовый её показатель.

В 1861 г. были опубликованы фундаментальные для Приамурья «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» [20, с. 682–685]. При сравнении с современными им правилами о переселении в Сибирь привлекает внимание высокая детализация норм данного закона. Условия этого переселения сознательно делались более привлекательными, чем обычно [12, с. 92]. Разрешалось переселение всех желающих, имеющих на это право, в том числе иностранцев, никакой поддержки выселения, переезда и водворения не предполагалось [20, с. 682]. Привлекательность создавалась нестандартным режимом обеспечения землёй: её можно было получить не только в «вечное и постоянное» пользование без уплаты каких-либо налогов, но также приобрести в собственность сверх переселенческой нормы по фиксированной цене без уплаты каких-либо сборов. Норма наделения землёй чётко не определялась, была поставлена только верхняя планка в 100 дес. на одно хозяйство или одну семью в составе общества [20, с. 683]; с учётом правил 1859 г. минимальным был надел в 21 дес. на душу¹. Вопрос землеобеспечения занимает в этом законе ключевое положение; помимо высокой нормы землеобеспечения, законодатель предусмотрел ответственность переселенца за надел: земля в пользовании не может быть продана (но только передана другим переселенцам), землю, не обработанную в течение первых пяти лет, государство имеет право изъять; мобильность частной земли никак не ограничивается [20, с. 683]. Государство оставляет за собой право направлять переселенцев так, чтобы не образовывалось больших скоплений частной или используемой переселенцами земли; право на пользование землёй возникает в результате заявления желающих обосноваться на данном участке [20, с. 684]. Льготы переселенцам дополнялись 20-летними налоговыми и военнообязанными каникулами для землевладельцев и пользователей земли [20, с. 683–684].

Итак, правила 1861 г. для Приамурья определяют широкий круг вопросов водворения и хозяйственного обустройства на новом месте, оставляя собственно переселение на усмотрение желающих поселиться на крайнем востоке страны. Специфичными для данных правил являются такие условия переселения, как: 1) свобода выбора мест водворения, 2) коллективный (семейный) характер землеобеспечения, 3) бесплатное использование государственной земли, 4) возможность приобретения земли в частную собственность, 5) высокая ставка землеобеспечения. Преемственность этих правил и правил 1859 г. очевидна – все три особенности предыдущего режима в целом сохранились и были дополнены ещё большими льготами.

Нормы 1861 г. получили развитие несколько позднее, в 1866 г., в интересах привлечения внимания переселенцев к Южно-Уссурийскому

¹ Имеется информация о минимальном наделе в 15 дес. [3, с. 33], введённом в практику в Сибири [30, с. 4].

краю: по этим «особым правилам» переселенцы в Уссурийский край получали денежную ссуду и продовольственную помощь [19, с. 68], была подтверждена свобода выбора мест для водворения [13, с. 32]. Закон 1861 г. привлёк массу переселенцев в Амурскую область, особые правила для Южно-Уссурийского края как раз и были ориентированы на этих людей [12, с. 288, 290], но ими воспользовались и переселенцы на Нижний Амур [3, с. 24–26]. Специфика переселения в Южно-Уссурийский край с 1866 г. относительно Приамурья в целом (т. е. норм 1861 г.) заключалась в дополнительной материальной поддержке.

Как уже было отмечено, правила 1861 г. оказались для Приамурья основополагающими, по истечении 20-летнего срока налоговых льгот правительство, по предложению региональной администрации, продлило льготы в 1882 г. на 10 лет, а по истечении этого срока, в 1892 г., – ещё на 10. Параллельно подтверждению некоторых норм правил 1861 г. правительство пересматривало условия переселения и водворения в Приамурье. Так, в марте 1882 г. были утверждены «некоторые изменения в правилах о льготах переселенцам в Приамурском крае». В соответствии с ними льготы на покупку земель были продлены на 10 лет, а срок налоговых каникул стал исчисляться от даты водворения хозяйства, а не даты, прописанной в законе (как это было в правилах 1861 г.); пользоваться этой льготой могли только русские подданные, хотя генерал-губернатору было оставлено право делать частные исключения иностранцам [17, с. 27–28].

С июня 1882 г. действовало постановление Госсовета «О казеннокоштном переселении в Южно-Уссурийский край», которое было рассчитано на три года [12, с. 307]. Само это переселение, его формы и условия, были мотивированы военно-политическими задачами государства, что объясняет щедрость законодателя: государство прощает переселенцам налоговые недоимки [3, с. 32], льготы положения 1861 г. для переселенцев в Приамурье подтверждаются, переселение в форме морского перехода из Одессы во Владивосток оплачивается государством, переселенцы получают полуторагодовое снабжение продовольствием, безвозвратную ссуду на подъём и хозяйственные принадлежности [3, с. 33]. Для организации самого переселения, помощи в водворении и хозяйственном обустройстве переселенцев было образовано Южно-Уссурийское переселенческое управление [4, с. 85]. Уже при анализе норм очевидно, что переселение становится сложным объектом управления, требующим специализированного надзора. Полицейские органы, курировавшие до этого переселение, выдавая разрешения на водворение [27, с. 566], справиться с такой постановкой вопроса не могли (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 112. Ч. I. Л. 9 об.); тем не менее полицейское управление Приморской области сохранило функцию контроля за водворением переселенцев [4, с. 86]. Неудивительно, что в рамках именно этого проекта в Южно-Уссурийском крае появляются ходоки из Европейской России; новый порядок организации переселения в край позволял поддерживать этот требовательный элемент переселения. Следует отметить, что особенности переселения на юг Приморской области, заложенные ещё в 1866 г., не изменили своего характера и в 80-е: 1) льготы и 2) помощь деньгами и материалами. Именно этот факт позволяет зафиксировать существование специального режима 1866/1882 гг. для

Южно-Уссурийского края, дополняющий общий для области режим 1859/1861 гг.

По истечении срока действия норм 1 июня 1882 г., в 1886 г. было утверждено «Мнение Государственного Совета об отмене льготных норм 1882 г. для переселенцев в Южно-Уссурийский край», в котором льготы, за исключением оплаты морского перехода и безвозвратной денежной помощи, были сохранены на 1 год и дополнены долгосрочными кредитами [3, с. 36]. В 1887 г., все правила были подтверждены и продлены ещё на 6 лет, условия кредитов были сделаны чуть мягче [3, с. 36]. В 1889 г. был усилен контроль за назначением денежных ссуд, которые стали получать только нуждающиеся в деньгах и по определённому алгоритму [3, с. 36–37]. В 1892 г. правила 1 июня 1882 г. были продлены ещё на 10 лет [22, с. 119–121], и это было последнее продление. В соответствии с дополнениями 1892 г. переселенцы лишались льгот при выселении, наделы переселенцев должны были чётко фиксироваться уже на этапе водворения, ограничена площадь земель для покупки (400 дес.) и зафиксирована минимальная стоимость десятины земли (3 руб.) [22, с. 120]. Иностранные подданные окончательно лишались права приобретения земли в собственность [22, с. 121]. В данном случае наблюдается некоторое сближение режима 1866/1882 гг. с общим режимом: сняты некоторые льготы, ограничены возможности покупки земли, переселенцы были лишены права свободного выбора участков.

Для Приморской области 80-е – 90-е гг. прошли под эгидой заселения Уссурийского края, сначала южной его части прибывающими морем переселенческими партиями, а к концу 90-х гг. активным районом заселения становится северная часть края [2, с. 153–160]. Интенсивность переселения в этот район во многом была связана с привлекательностью условий переселения. По мере истощения не просто исследованных, но хотя бы просто известных земельных запасов, а также в связи с совершенствованием системы управления переселением и ожиданием готовности Сибирской железной дороги меняется отношение бюрократии (прежде всего центральной) к условиям переселения крестьян.

В 1900 г. условия переселения были радикально пересмотрены в части землеобеспечения. Название документа в ряду других норм выглядит очень характерным: «Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в Амурской и Приморской областях». Новые временные правила понижали планку землеобеспечения до 15 дес. на мужскую душу, но только для переселенцев, водворившихся после 1 июня 1900 г., для более ранних переселенцев, даже если их надел ещё не был обмежёван, сохранялась старая норма [5, с. 143–144]. Наделы переселенцев должны включать угодья разного типа (обеспечены водой и лесом), установлена норма лесной площади [5, с. 143, 144]. Несколько меняется терминология: если до сих пор законодатель различал переселенцев, водворяющихся поселенно (группой хозяйств) и посемейно (отдельными хозяйствами), то по правилам 1900 г. водворение происходит поселенно и хуторами. Хозяйства, водворяющиеся вместе с другими, получает надел из расчёта 15 дес./муж. душу, в то время как хозяйства, водворяющиеся хуторами, получали надел не свыше 60 дес. Интересно, что законодатель мотивирует хуторское расселение не интересами и желаниями переселенцев, их

практикой на старом месте, а особенностями мест вселения, могущими не иметь больших площадей для водворения целых общин [5, с. 144–145]. Новые временные правила пришли на смену всем прежним нормам переселения. Таким образом нормативная система переселения в Приамурье пришла в состояние рубежа 50-х – 60-х гг., когда на всём пространстве региона действовал один нормативный режим.

Заключение

Итак, на протяжении второй половины XIX в., обладая очень выгодными условиями переселения, Приамурье явно выступало в качестве приоритетного объекта заселения и колонизации; вместе с тем, после дипломатического закрепления территорий и в условиях либеральных реформ, правительство только поощряло переселение в Приамурье, но не организовывало их. Это обстоятельство ограничивало возможности переселенцев, подавляющая часть которых оседала в восточных европейских и западносибирских губерниях.

На территории Приамурья в течение XIX в. действовало три правовых режима переселения и водворения крестьян: 1) первый общий режим (1859/1861 гг. с дополнениями), распространяемый на территорию Амурской и Приморской областей; 2) особый режим Южно-Уссурийского края (1866/1882 гг. с дополнениями); 3) второй общий режим (1900 г.), уравнивавший нормативы переселения для всех регионов Приамурского генерал-губернаторства и упразднивший (с исключениями) особый статус южного края с 1 июня 1900 г.

Возникновение особого режима было связано с необходимостью привлечения населения в пустынный, окраинный и открытый в мир Южно-Уссурийский край. Для его заселения правительство идёт на нехарактерное поощрение внутрирегиональных перетоков переселенцев (с 1866 г.) и занимается организацией перевозки сюда желающих на чрезвычайно мягких условиях (1882 г.) из европейской части страны. Ликвидация особого режима и сближение общероссийских и дальневосточных (в т. ч. и для Южно-Уссурийского края) условий переселения и водворения (с 1900 г.) связано с укреплением положения Российской империи на Дальнем Востоке: увеличением населения, развитием коммуникаций, экономическим ростом осваиваемых территорий.

Литература

1. Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.). – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. 315 с.
2. Барбенко Я. А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. Диссертация... канд. ист. наук. – Владивосток, 2010. 276 л.
3. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. – СПб.: б. и., 1896. IV, 166, 57 с.
4. Вольф А. Е. Работа А. В. Суханова в Переселенческом управлении в Южно-Уссурийский край (октябрь 1895 – июнь 1896 гг.) по материалам РГИА ДВ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 3. С. 85–102.
5. Временные правила для образования переселенческих и запасных участков в Приморской и Амурской областях // Справочные издания Переселенческого Управления Министерства Внутренних

Дел. Вып. VIII: Сборник узаконений и распоряжений о переселении. – СПб.: б. и., 1901. 3, XXV, 499 с. С. 142–148.

6. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. Отделение первое. 1861. Ст. 36657. – СПб.: б. и., 1863. 1058 с.

7. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области / Ред. П. П. Семенов. – СПб.: б. и., 1894. V, 639, VIII с.

8. Зуева Н. С. Переселенческая политика российского правительства на Дальнем Востоке в период столыпинских реформ. Диссертация... канд. ист. наук. – М., 2016. 395 л.

9. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. – М.: Наука, 1985. 264 с.

10. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. – СПб.: т-во «Общественная польза», 1905. X, 349, 81 с.

11. Кобозев П. А. Колонизация Дальнего Востока // Труды государственного колонизационного научно-исследовательского института. Т. 1. – М.: б. и., 1924. С. 213–268.

12. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Комитет Сибирской железной дороги. – СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1900. X, 376 с.

13. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв. / Р. Г. Бендюжник и др. Под ред. А. И. Крушанова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 416 с.

14. О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IX. 1889. Ст. 6198. – СПб.: б. и., 1891. 1481 с., разд. пагинация.

15. О дозволении крестьянам Восточной Сибири, не смотря на избыточный надел земли, переселяться в другия местности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXI. Отделение первое. 1856. Ст. 30788. – СПб.:

б. и., 1857. 1112 с.

16. О некоторых изменениях в действующих узаконениях, касающихся добровольного переселения сельских обывателей и мещан в губернии Тобольскую и Томскую (кроме Алтайского округа) и генерал-губернаторства Степное и Иркутское // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XVI. 1896. Ст. 12777. – СПб.: б. и., 1899. 823, 421 с.

17. О некоторых изменениях в правилах о льготах переселенцам в Приамурском крае // Дальний Восток России в материалах законодательства. 1881–1889 гг. / Сост. Е. М. Гончарова, И. Е. Каргинова, В. А. Григорьева. – Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2005. 260 с.

18. О порядке назначения кредита на переселение крестьян // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение второе. 1866. Ст. 43987. – СПб.: б. и., 1868. 1389 с., разд. пагинация.

19. О правилах для переселения помещиками своих крестьян // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. Отделение третье. 1861. Ст. 33724а. – СПб.: б. и., 1863. 516 с., разд. пагинация.

20. О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. Отделение первое. 1861. Ст. 36928. – СПб.: б. и., 1863. 1058 с.

21. О преобразовании общественного управления государственных крестьян, и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение первое. 1866. Ст. 42899. – СПб.: б. и., 1868. 1079 с.

22. О продлении действия правил, касающихся поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях и об изменении и дополнении сих правил // Дальний Восток России в материалах законодательства. 1890–1895 гг. / Сост.

Е. М. Гончарова, И. Е. Каргинова, В. А. Григорьева. – Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2006. 320 с.

23. О распространении на Сибирския губернии постановлений о самовольном переселении государственных крестьян // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLI. Отделение первое. 1846. Ст. 19584. – СПб.: б. и., 1847. 668 с.

24. Об отмене постановления касательно выдачи переселяемым государственным крестьянам пособий хлебом из ближайших запасных магазинов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLII. Отделение первое. 1867. Ст. 44096. – СПб.: б. и., 1871. 1207 с.

25. Об учреждении в составе Министерства Внутренних дел Переселенческаго Управления // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XVI. 1896. Ст. 13464. – СПб.: б. и., 1899. 823, 421 с.

26. Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 196 с.

27. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник / Ред. кол. Э. В. Ермакова (гл. ред.) и др. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 1997. 596 с.

28. Редчун В. М. К вопросу об особенностях переселенческой политики российского правительства на Дальнем Востоке во второй половине XIX века. Правовой аспект // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 2 (22). С. 82–98.

29. Чарнецкий Л. Методы и итоги прошлой колонизации Приморья и ближайшие колонизационные мероприятия в будущем // Советское Приморье. 1925. № 3. С. 10–36.

30. Шуман Н. К вопросу о землеустройстве и колонизации Сибири // Вопросы колонизации. Сборник статей / Ред. О. А. Шкапский. – СПб.: Издание А. В. Успенского, 1907. 317 с. С. 3–18.

Yaroslav A. BARBENKO

Ph. D. (in History), Assistant Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

E-mail: prohist@ya.ru

Dynamics of the Resettlement Legislation in the Amur Region in the second Half of the 19th Century

UDC 94(571.6)+325.3(34)

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18)

*Amur Region,
Maritime Province,
resettlement,
resettlement peasants,
migration legislation,
resettlement policy*

A comparative analysis of the all-Russian migration legislation and the norms of peasant resettlement in the Amur region in the second half of the 19th century was carried out in this paper. In terms of the most characteristic features two regulatory regimes were identified: 1859/1861 – for the whole Amur region, and 1866/1882 – for the South Ussuri region. The existence of the special regime of 1866/1882 was due to the need to attract residents to remote and vulnerable areas. The characteristic features of the resettlement legislation for the Amur region were as follows: freedom of settling, free use of state land, the possibility of acquiring land for property, and a high rate of land security. These features played a decisive role in the popularization of the Amur resettlement region and contributed to the influx of the agricultural population. After the establishment of a reliable sea and rail link between the Far East and the central part of Russia, preferential resettlement conditions were limited in 1900.

For citation: Barbenko YA. A. Dynamics of the resettlement legislation in the Amur Region in the second half of the 19th century // *Oriental Institute Journal*. 2018. № 4. P. 6–18. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-4/6-18

References

1. Argudyaeva YU. V. Krest'yanskaya sem'ya u vostochnykh slavyan na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (50-e gody XIX v. – nachalo KHKH v.). – M.: In-t etnologii i antropologii RAN, 1997. 315 s.
2. Barbenko YA. A. Krest'yanskoe rasselenie v Primorskoj oblasti kak chast' russkoj kolonizatsii Priamur'ya vo vtoroj polovine XIX v. Dissertatsiya... kand. ist. nauk. – Vladivostok, 2010. 276 l.
3. Busse F. F. Pereselenie krest'yan morem v YUzhno-Ussurijskij kraj v 1883–1893 godakh. – SPb.: b. i., 1896. IV, 166, 57 s.
4. Vol'f A. E. Rabota A. V. Sukhanova v Pereselencheskom upravlenii v YUzhno-Ussurijskij kraj (oktyabr' 1895 – iyun' 1896 gg.) po materialam RGIA DV // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2015. № 3. S. 85–102.
5. Vremennyya pravila dlya obrazovaniya pereselencheskikh i zapasnykh uchastkov v Primorskoj i Amurskoj oblastiakh // Spravochnye izdaniya Pereselencheskago Upravleniya Ministerstva Vnutrennikh Del. Vyp. VIII: Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij o pereselenii. – SPb.: b. i., 1901. 3, XXV, 499 s. S. 142–148.
6. Vysochajshe utverzhdennoe Obshhee Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoj zavisimosti // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XXXVI. Otdelenie pervoe. 1861. St. 36657. – SPb.: b. i., 1863. 1058 s.
7. Grum-Grzhimajlo G. E. Opisanie Amurskoj oblasti / Red. P. P. Semenov. – SPb.: b. i., 1894. V, 639, VIII s.
8. Zueva N. S. Pereselencheskaya politika rossijskogo pravitel'stva na Dal'nem Vostoke v period stolypinskih reform. Dissertatsiya... kand. ist. nauk. – M., 2016. 395 l.
9. Kabuzan V. M. Dal'nevostochnyj kraj v XVII – nachale KHKH vv. (1640–1917). Istoriko-demograficheskij ocherk. – M.: Nauka, 1985. 264 s.
10. Kaufman A. A. Pereselenie i kolonizatsiya. – SPb.: t-vo «Obshhestvennaya pol'za», 1905. X, 349, 81 s.
11. Kobozev P. A. Kolonizatsiya Dal'nego Vostoka // Trudy gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. T. 1. – M.: b. i., 1924. S. 213–268.
12. Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshhim pereselencheskim voprosom / Komitet Sibirskoj zheleznoj dorogi. – SPb.: Kantselyariya Komiteta ministrov, 1900. X, 376 s.
13. Krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR XIX – XX vv. / R. G. Bendyuzhnik i dr. Pod red. A. I. Krushanova. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1991. 416 s.
14. O dobrovol'nom pereselenii sel'skikh obyvatelej i meshhan na kazennyya zemli i o poryadke perechisleniya lits oznachennykh soslovij, pereselivshikhsya v prezhnee vremya // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. IX. 1889. St. 6198. – SPb.: b. i., 1891. 1481 s., razd. paginatsiya.
15. O dozvolении krest'yanam Vostochnoj Sibiri, ne smotrya na izbytochnyj nadel zemli, pereselyatsya v drugiya mestnosti // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XXXI. Otdelenie pervoe. 1856. St. 30788. – SPb.: b. i., 1857. 1112 s.
16. O nekotorykh izmeneniyakh v dejstvuyushchikh zakoneniyaх, kasayushchikhsya dobrovol'nago pereseleniya sel'skikh obyvatelej i meshhan v gubernii Tobol'skuyu i Tomskuyu (krome Altajskago okruga) i general-gubernatorstva Stepnoe i Irkutskoe // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. XVI. 1896. St. 12777. – SPb.: b. i., 1899. 823, 421 s.
17. O nekotorykh izmeneniyakh v pravilakh o l'gotakh pereselentsam v Priamurskom krae // Dal'nij Vostok Rossii v materialakh zakonodatel'stva. 1881–1889 gg. / Sost. E. M. Goncharova, I. E. Karginova, V. A. Grigor'eva. – Vladivostok: Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv Dal'nego Vostoka, 2005. 260 s.
18. O poryadke naznacheniya kredita na pereselenie krest'yan // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe.

- T. XLI. Otdelenie vtoroe. 1866. St. 43987. – SPb.: b. i., 1868. 1389 s., razd. paginatsiya.
19. O pravilakh dlya pereseleniya pomeshchikami svoikh krest'yan // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XXXVI. Otdelenie tretie. 1861. St. 33724a. – SPb.: b. i., 1863. 516 s., razd. paginatsiya.
20. O pravilakh dlya poseleniya russkikh i inostrantsev v Amurskoj i Primorskoj oblastiakh Vostochnoj Sibiri // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XXXVI. Otdelenie pervoe. 1861. St. 36928. – SPb.: b. i., 1863. 1058 s.
21. O preobrazovanii obshhestvennago upravleniya gosudarstvennykh krest'yan, i o peredache sikh krest'yan v vedenie obshchikh gubernskikh i uездных, a takzhe mestnykh po krest'yanskim delam uchrezhdenij // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XLI. Otdelenie pervoe. 1866. St. 42899. – SPb.: b. i., 1868. 1079 s.
22. O prodlenii dejstviya pravil, kasayushchikhsya poseleniya russkikh i inostrantsev v Amurskoj i Primorskoj oblastiakh i ob izmenenii i dopolnenii sikh pravil // Dal'nij Vostok Rossii v materialakh zakonodatel'stva. 1890–1895 gg. / Sost. E. M. Goncharova, I. E. Karginova, V. A. Grigor'eva. – Vladivostok: Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv Dal'nego Vostoka, 2006. 320 s.
23. O rasprostranenii na Sibirskiya gubernii postanovlenij o samovol'nom pereselenii gosudarstvennykh krest'yan // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XLI. Otdelenie pervoe. 1846. St. 19584. – SPb.: b. i., 1847. 668 s.
24. Ob otmene postanovleniya kasatel'no vydachi pereselyaemym gosudarstvennym krest'yanam posobij khlebom iz blizhajshikh zapasnykh magazinov // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XLII. Otdelenie pervoe. 1867. St. 44096. – SPb.: b. i., 1871. 1207 s.
25. Ob uchrezhdenii v sostave Ministerstva Vnutrennikh del Pereselencheskago Upravleniya // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. XVI. 1896. St. 13464. – SPb.: b. i., 1899. 823, 421 s.
26. Osipov YU. N. Krest'yane-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii 1855–1917 gg. – Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2006. 196 s.
27. Primorskij kraj: Kratkij ehntsiklopedicheskij spravochnik / Red. kol. EH. V. Ermakova (gl. red.) i dr. – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo gos. un-ta, 1997. 596 s.
28. Redchun V. M. K voprosu ob osobennostyakh pereselencheskoj politiki rossijskogo pravitel'stva na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX veka. Pravovoj aspekt // Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka. 2017. № 2 (22). S. 82–98.
29. CHarnetskij L. Metody i itogi proshloj kolonizatsii Primor'ya i blizhajshie kolonizatsionnye meropriyatiya v budushhem // Sovetskoe Primor'e. 1925. № 3. S. 10–36.
30. SHuman N. K voprosu o zemleustrojstve i kolonizatsii Sibiri // Voprosy kolonizatsii. Sbornik statej / Red. O. A. SHkapskij. – SPb.: Izdanie A. V. Uspenskogo, 1907. 317 s. S. 3–18.